

ТРАДИЦИИ, ПРИМЕТЫ И ВЕРОВАНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ И ЖИЛИЩНО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ *

Т.К. Щеглова

В основе архаичного крестьянского варианта жизненной модели лежало противопоставление обжитого защищенного пространства (дом, двор, усадьба) и внешнего враждебного, начинавшегося за воротами усадьбы, мира. На протяжении длительной истории были выработаны хозяйственно-производственные, религиозно-мифологические, фольклорно-обрядовые системы защиты человека, семьи, дома, скотного двора. Вместе с тем для крестьянского общества было характерно стремление установить и наиболее полно реализовать связь с «кормящим ландшафтом». Поэтому в крестьянской культуре существовала слитность рациональных действий, знание естественно-природного окружения, ритуализация процессов строительства и обживания жилой и хозяйственной среды и обрядность, связанная со всеми этапами строительства и проживания. Но на современном этапе степень их сохранности и применение в повседневной жизни разная.

Знание естественно-природного окружения предполагало самостоятельное наблюдение и изучение потенциальных возможностей конкретной местности, а также использование практических знаний и опыта предшествующих поколений по эксплуатации производительного пространства. Накопленные и приобретенные знания и навыки использовались при определении качества строительного материала, конструкции основных крестьянских построек усадьбы, черты хозяйственно-жилого комплекса, выбора места под усадьбу, расположение оконных и дверных проемов жилого дома и т.д.

Отправной точкой такого жизненно важного события, как строительство дома, являлся правильный выбор места, который должен был, по мнению старожил, отвечать следующим требованиям: сухость, тепло, освещенность. Для этого при подборе места учитывался целый ряд природно-географических факторов.

1. Направление господствующего ветра. Наименее благоприятным считался северный ветер, который на Алтае называют «сивер», наиболее благоприятным — западный ветер. При расположении дома обычно его постройка учитывала «подветренную сторону» и «ветреную сторону»; или, как говорят старожилы Алтая, «под ветер» и «на ветер», «ветренная» и «подветренная». Дома связи и пятистенные дома, имеющие прямоугольную форму, повсеместно стоят узкой стороной навстречу ветру. В большинстве описанных случаев, фасады ветреной стороны обшиты за последние годы толем или тесом. Во всех домах с ветреной стороны

расположены горницы, с подветренной — избы (в недавнем времени — «куть», в современном — кухня).

2. Движение солнца. В практике сохранилось расположение дома окнами «на солнце», или солнечную сторону (южный фасад). Противоположная стена называлась «подсолнечная» (северный фасад). Во всех зафиксированных в полевых исследованиях случаях сторона, обращенная на юг, имеет больше окон. На стороне, выходящей на север, или «темной» стороне, окна часто отсутствуют, в таком случае ее называют «глухая» стена или стена с одним — двумя окнами.

Поэтому старинные дома на крестьянской усадьбе расположены чаще всего не относительно улицы (параллельно или перпендикулярно), а с учетом направления ветра и движения солнца. Обычно в уличном ряду их постройка относительно улицы совпадала в том случае, если дома были одного типа. Порядок нарушался, если в уличном ряду была смешанная архитектура — продольные дома (связь и некоторые виды пятистенков) и квадратные или, как их называют, «круглые» дома (изба, крестовый, пятистенный). Жилые дома были свободно размещены на усадьбах и отделены значительным пространством один от другого, по оценке крестьян «тесноты не было». Средняя усадьба по переписи 1917 г. (доколхозный период) составляла не менее 0,5 десятины или 0,7 гектара.

В современной деревенской архитектурной среде до последних лет господствовало типовое строительство с жестко фиксированной застройкой домов по красной черте улицы или с отступлением всего ряда домов на 2 — 5 метров для устройства палисада или прохожего тротуара. В уличных рядах преобладала типовая архитектура, поставленная одинаковым образом. При этом будущий владелец дома совершенно исключался из процессов выбора места и строительства дома на всех этапах, вплоть до его заселения. На современном этапе положение стало меняться. Индивидуальное и частное строительство меняет картину размещения домов на усадьбах в соответствии с традициями старожил.

3. Сухость места и близость грунтовых вод. В определении данных качеств при выборе места использовался широкий спектр народных естественно-природных примет, распространенных повсеместно и зафиксированных в полевых экспедициях. В центральных лесостепных и степных районах Алтая широко распространены две приметы, по которым узнавали о наличии близких к поверхности грунтовых вод. Во-первых, по обилию

* Материал подготовлен при поддержке «Института Открытое Общество» — Фонд Содействия, грант № ИЕА 72 Vu

Фото 1. Однорядная связь жилой и хозяйственной постройки с учетом господствующего ветра (с. Усть-Пристань)

растущего конского щавеля. Во-вторых, по рисунку росы на траве — там, где утром роса или иней выделялись обильным темным пятном, сруб не ставили, а помечали для рытья колодца. Никогда не строили жилые и хозяйственные постройки на тех местах, где росла осока. «Никогда не выбирали низины под дом».

В северо-восточных лесостепных, лесных и притаежных (Салаирская тайга) районах Алтая при определении сухости места прибегали к простейшим действиям. 1. На том месте, где собирались строить дом, клали на несколько дней доску, затем проверяли. Если на ней с обратной стороны, т.е. стороны, обращенной к земле, были «жужжалки» (жужжальцы — жуки, живущие в сырых местах, в колодцах или погребах), то место считалось плохим. Если — муравьи, то хорошее. 2. На выбранное место клали сковородку, перевернутую вверх дном. Под нее помещали лучину. Если она отсырела, то место являлось сырым и было непригодно для строительства дома. В подобных же версиях иногда просто смотрели на дно сковородки, если оно запотело, то место считалось теплым и пригодным под жилой дом.

Вместе с тем, в этих же регионах использовали ряд примет, не требующих особых действий, а являвшихся результатом наблюдательности крестьян. Считалось теплым то место, где любят лежать овцы. Обращали внимание на те места, где вечерами, во время вечеров или гуляний, чувствовали струю теплого воздуха, и на том месте ставили дом.

4. *Иррациональные представления* о благоприятности места связаны как с суевериями, так и ритуалами. В наши дни большее распространение получают суеверия и меньше прибегают к ритуалам, гаданиям и обрядовым действиям. Гаданиями определяли обычно неблагоприятные места, не отмеченные на поверхности земли внешними, предупреждающими признаками природного или суеверного характера. Встреченные в полевой практике ритуальные явления связаны с такими сак-

ральными предметами, как зерно, хлеб, вода. В большинстве рассказов старожилы описаны ритуалы, связанные с хлебопечением. В с. Думчево (Залесовский р-н) для этого пекли пряники. И на месте будущего дома на старом месяце бросали вверх и смотрели, как упадут пряники — если плоской частью («жопкой») вниз, то на этом месте дом строили, если выпуклой, т.е. верхней частью — место меняли. В с. Ново-Красилово для гадания собирались старухи, заводили квашню и пекли булочки. Отбирали девять штук, выходили на выбранное место и кидали вверх и стороны россыпью, а затем проверяли, как они упали. Если плоской спинкой кверху — то строить дом нельзя. В с. Красноярка Усть-Пристанского р-на (одном из крупных центров этнографической группы «кержаков») ритуальные гадания совершались в течение ночи: поздним вечером на выбранном месте ставилась чашка с водой и рядом или на нее клали хлеб. В случае сохранения изначального порядка к утру место считалось хорошим, если хлеб был разбросан, а вода пролита — от места отказывались.

Наиболее полно в современной деревенской среде сохранились и используются при строительстве и особенно при обживании дома предрассудки, суеверия, предубеждения. Особенно мифологизирован в крестьянской практике выбор места под строительство дома. Все последующие несчастья и неблагополучия в семье связывали с неправильным выбором местоположения дома или всей крестьянской усадьбы. Признаками неблагополучного, в сакральном смысле, местоположения дома являлись разные известные крестьянам признаки: беспокойное поведение на усадьбе овец, лошадей, падеж скота или многократные неудачные попытки разводить ту или иную породу скота, падение удойности молока у коров, блудливость скота, плохой мясной привес, а также личные проблемы членов семьи, в частности, нездоровье, неудача и отсутствие успеха, не замужество дочери, отсутствие

детей или рождение одних девочек, а также стихийные бедствия, такие, как пожары. В крестьянской мифологизированной среде хранится огромное количество рассказов о бедах и проблемах хозяев дома, при строительстве которого, нарушались традиции и игнорировались приметы. Обычно эти мифы имеют выраженную линию сюжета, для которого характерны два типа действующих лиц: хозяин — строитель, нарушающий каноны, и лица, предупреждающие его о последствиях или предостерегающие строителя. Обычно в их роли выступает старец. Далее по мифологизированной схеме следуют описания несчастий и попеременной болезни или смерти членов семьи и последующей гибелью самого дома. Характер событий не оставляет сомнений в их первопричине: как наказание хозяина за неправильный выбор места и игнорирование совета бывалых людей.

До сих пор в комплексе сакральных способов выбора места сохранились суеверия о запрете ставить дом на старом месте, на дороге, на перекрестке дорог, на месте бани. Нежелательность строительства на старом месте крестьяне объясняют возможным конфликтом между старыми и новыми духами, преобладанием новым домом старых бед, горестей, смертей чужого обжитого пространства. В центральных районах Алтайского края бытует примета: плохо ставить дом напротив ворот. По мнению крестьян, это приводит к потерям в крестьянской семье и доме. Через ворота «утекает» благополучие, здоровье, жизнь. Близко к примете не строить дом против ворот стоит традиция запрета ставить дом на дороге или тропинке, по которой также навсегда уходят из дома или из жизни люди, скот, удачи, счастье.

Правильный выбор местоположения дома еще не гарантировал полного благополучия. Необходимо было соблюдать ряд правил при подборе строительного материала и строительстве дома.

Опрошенные современные старожилы мало помнят о ритуалах и обрядах при строительстве самого дома. Это объясняется тем, что обычно дом строили на Алтае с помощью найма плотницких артелей. Интересны объяснения признаков хороших мастеров. В Заринском районе их выбирали по качеству инструментов. А потом смотрели, как ели. Если быстро ест угощение — то хороший расторопный мастер. Часто строили дом с помощью «помочи» (призыва родственников и соседей). В последнем случае руководил строительством знающий приметы, традиции и обычаи человек, чаще преклонных лет. Работы велись под его присмотром и по его команде, остальные участники не посвящались в ритуально-обрядовые аспекты и не получали объяснений. Поэтому до наших дней дошли только отрывочные сведения или материальные предметы, сохранившиеся от ритуальных действий. Повсеместно на Алтае при сломе старых домов находят обрядовые монеты, положенные

строителями либо под «подушками» окон, но чаще по углам срубов — под первым венцом, лежащих на листовенничных «стульях» или на каменных табуретах. Рассказов же сохранилось мало. Например, в с. Ново-Зыряново вспомнили, что «когда матку поднимали (важный рубеж в процессе строительства), то строители кричали: «Ой матушка (игра слов от слова «матка») не идет наверх». Хозяин должен тут же подать угощение или налить брагу. После этого матку поднимали».

Особую группу составляют мифы о конфликтах между заказчиками дома и строителями и о последовавшей со стороны строителей мести, как следствие обиды за низкую плату или обсчет при окончательной расплате. Доказательством существовавшей некогда мести строителей во всех рассказах служили какие-либо материальные предметы, найденные при разборе домов с печатью проклятия строителей. В центральных районах Алтая обычно доказательством служили костные останки кошек. В Усть-Пристанском районе встречались рассказы о частых болезнях членов семьи в тех домах, при разборе которых в простенках под окнами находили останки двух котят, положенных голова к голове. Наиболее распространенной мстью строителей, в представлениях крестьян, являлось подкладывание между венцами камешка, чтобы в этом месте стена промерзала, или после третьего ряда или под череповой венец недовольные мастера подкладывали горлышко от разбитой бутылки, которое завывало, когда залетал ветер. В Заринском районе встречается интересное определение такой мести — «теленка сделать». Как рассказывали старожилы, «как ветер начинает дуть, по углам дома возникал звук, как теленок мычит. И не поймешь, в каком углу. Хозяин-кулак плохо обошелся с работниками. Они ему так и сделали».

Но больше сохранилось мифологизированных рассказов о мастерстве крестьянских зодчих и о знаниях мастеров-самоучек. Подчеркивая качество старинных построек, до сих пор проявляющееся в триединстве — долговечности, сухости и тепле, старожилы связывают их с умением старых мас-

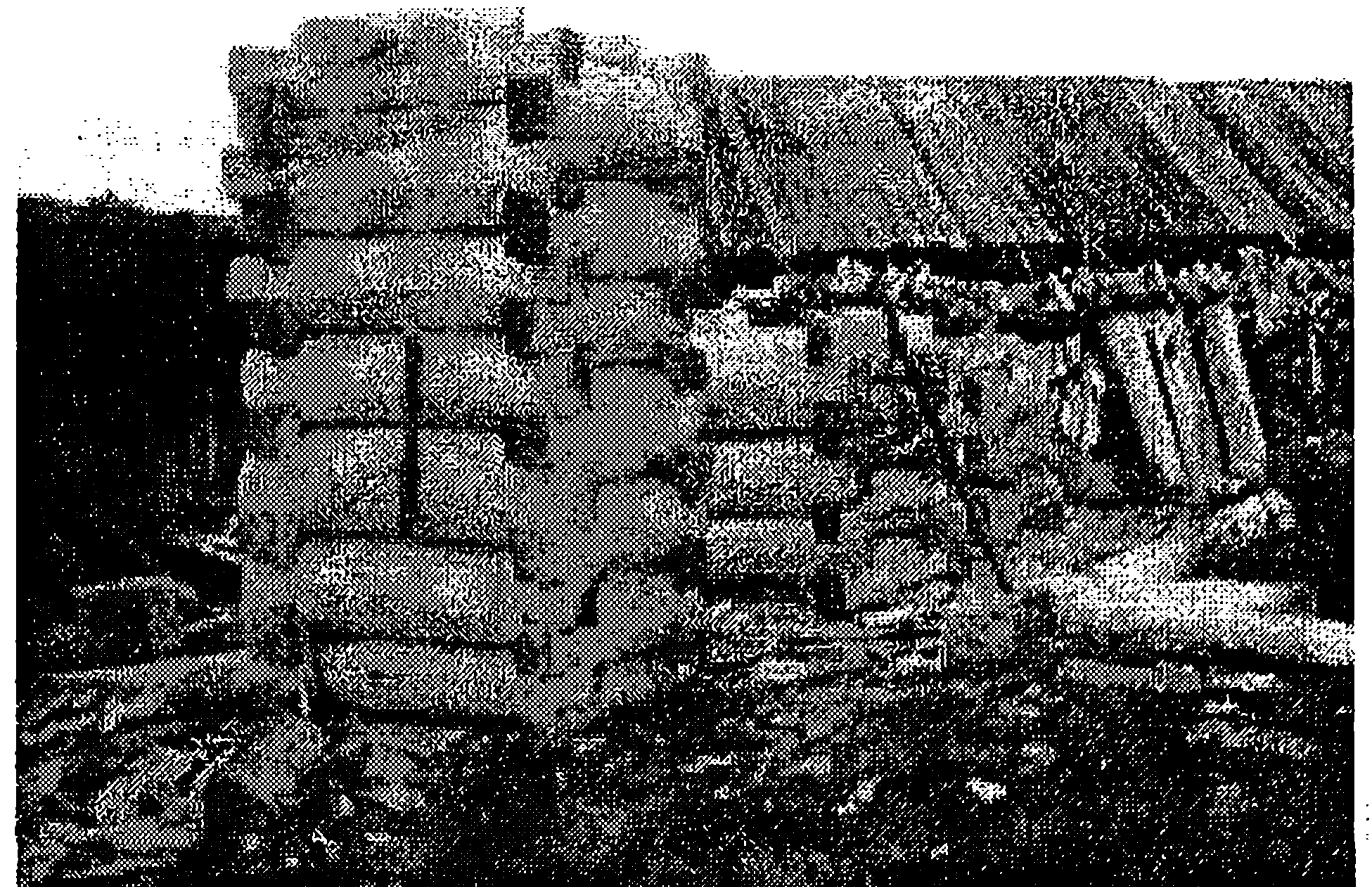

Фото 2. Срубы для колодцев (с. Думчево, Залесовский р-он)

Фото 3. Амбар. Установка сруба на лиственные тумбы.
Алтайский р-он

Фото 4. Наземный вариант постановки сруба.
Алтайский р-он

теров заготавливать строительный лес. Наиболее распространенная оценка выражается стандартной фразой — «лес до сих пор звенит». Рассказы про лиственничные срубы носят характер коротких легенд или мифов: «...хотели гвоздь вбить... не могли», «...хотели распилить... пила не берет».

Обычно качество леса старожилы объясняют умением подбирать лес. Как говорят, «старые люди, знающие, лес выбирали. Чтобы дверь была легкой, а зимой не промерзала. Сейчас все не так. Строят из чего понало». Существовала особая крестьянская копилка знаний признаков, по которым выбирали лес, времени и места заготовки леса. Выбирали лес по макушкам, не брали на сограх, т.е. на болотистом месте. «Лучше рубить лес на ровном месте, на косогоре и обязательно на старую луну — тогда удача будет» (с. Хмелевка, Заринский р-н). Одним из секретов старых мастеров являлось убеждение, что сухой лес рос выше по склонам, его и рубили для сруба. Об этом говорили многие: «Лес не рубят на согорном, т.е. болоте, а на горах» или «Болотистый лес не брали. На более высоком месте лес лучше. На косогорах». Т.А. Пушкарев, старообрядец из с. Хмелевка, 1918 г.р., говорил, что пихту рубили на южной стороне, т.к. дерево лучше на южном склоне, а в срубе клали южной стороной вовнутрь, северной более закаленной на внешнюю сторону. Кроме того, считалось, что лес лучше рубить на старую луну — «удачный материал будет...». Ф.Д. Пьянзин из Клобуковки Заринского р-на вспомнил, как выбирали лес старообрядцы: «Старообрядцы выбирали лес по звону. Били по дереву деревянной колотушкой. Чем звонче, тем больше смолы, тем лучше».

Более длительным и сложным был процесс поиска строительных материалов для ведущих конструкций (бревен черепных и корневых венцов, потолочных и половых маток и т.д.). Старовер-помор из с. Куячи (Алтайский р-н) Я.Ф. Серебряшников рассказал о поиске и подборе лесины отцом на основную несущую балку — матицу для избы: «Леса стоит много, да не тот — тут сук, там сучья. Или сучьев нет, стоит прямая лесина, а вся

в бугорках. Бугорки спилишь — а там сук. Это называют «валы», они от смолы... Искал отец по всему лесу и вдруг нашел лесину — она как свеча стоит, гладкая, прегладкая. Ее и тесали, и строгали, и нигде нет ничего, ни одного сучка». До сих пор он с гордостью показывает гостям матку, как говорится, без сучка и задоринки, как память о мастерстве отца.

Форму своеобразных поздних легенд и мифологизированных былей приобрели воспоминания о безымянных мастерах. Родились они в среде старожилков по мере закрепления поточного некачественного колхозно-совхозного строительства и как ностальгия по добротным срубным крестьянским домам. В основе легенд лежали реальные факты, которые дополнялись вымышленными сведениями, подчеркивающими ценность потерь в сфере трудовой, общественной и семейной жизни села, в результате перехода от единоличной жизни к колхозной. В юго-восточных предгорных и горных районах Алтайского края существуют были об использовании амбаров для хранения меда в годы больших урожаев. С амбаров снимали крышу, заливали свежий откаченный мед, который даже не просачивался сквозь щели. С приходом зимы и с установлением санного пути, крышу снова снимали, резали замерзший и засахарившийся мед и везли на продажу на ближайшие ярмарки. Основанием к таким легендам служил народный строительный опыт по достижению жесткости крепления бревен и строительных узлов и плотности сруба, потолка, пола, который обеспечивался разными способами врубки бревен («в крюк», «в лапу», «с потемком», т.е. внутренним шипом), настила пола «впритык», «внахлест», «в шпунт».

Встречаются легенды о проверках устраиваемых заказчиками строителям. Чаще всего для этого использовали воду, которой заполняли комнаты на полметра, а через неделю проверяли. Если вода «не ушла» — то строителей поощряли сверх предварительной договорной цены. Такую легенду записали о доме купца А.И. Шестакова в с. Усть-Пристань, который за добросовестную работу заплатил сверх договоренной суммы 25 рублей. По-

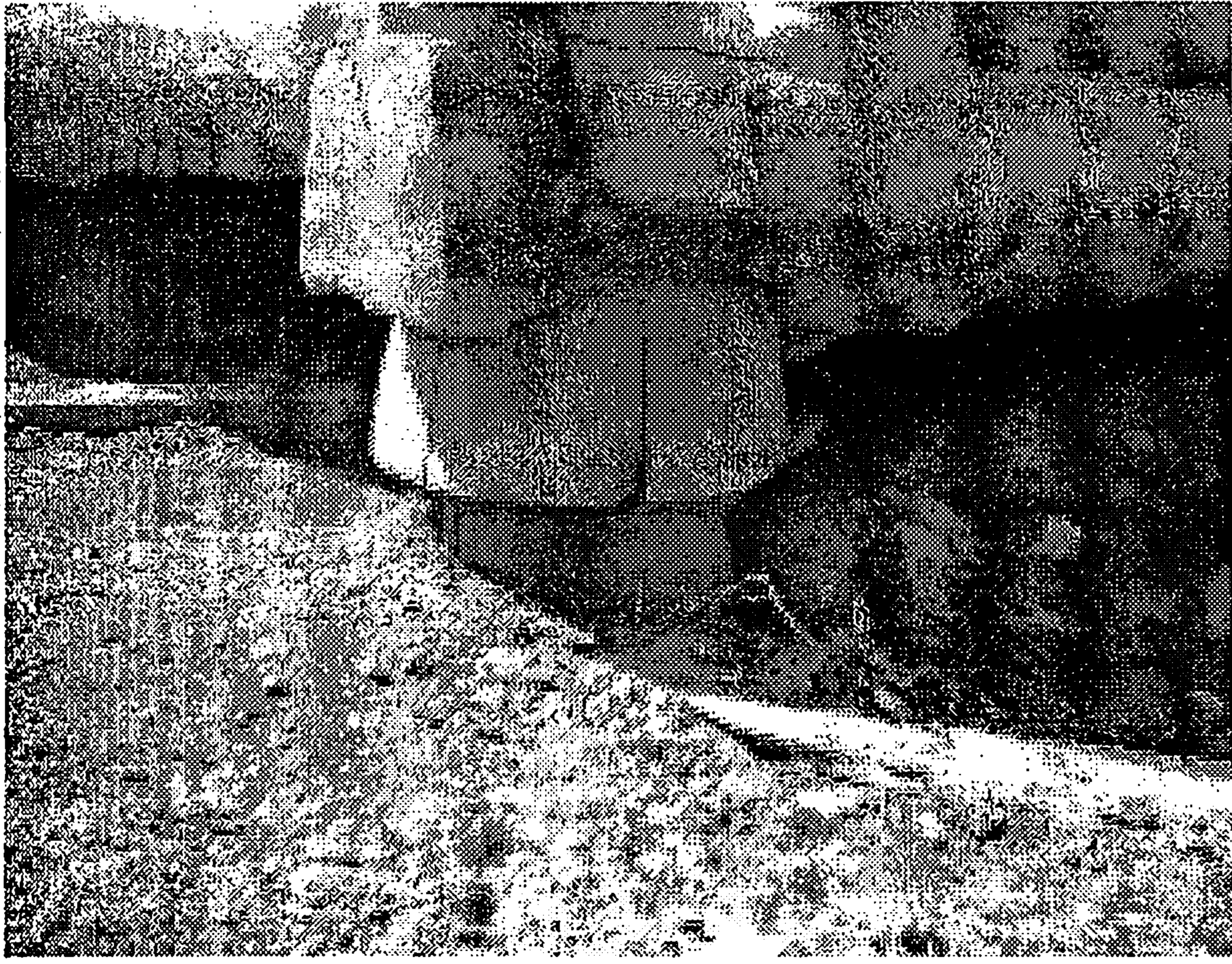

Фото 5. Резные тумбы. Амбар. Залесовский р-он, с. Думчево

Фото 6. Амбар на тумбах. Залесовский р-он, с. Думчево

вместно на Алтае распространены рассказы о жесткости креплений сруба, благодаря которому дома передвигали с места на место, предварительно выбросив глинобитную печь, которая строилась с опорой на грунт или опечек и сильно утяжеляла дом. Особенно запомнилась старожилам возможность «перетаскивать» дома без разбора сруба и крыши с места на место в связи с такими многочисленными трагическими переустройствами деревни, как раскулачивание, при котором дома раскулаченных перевозились из деревни на места создаваемых отделений колхозов и совхозов, при укрупнении колхозов и совхозов и ликвидации неперспективных деревень, когда приходилось перевозить дома за 30 и 50 км, подложив под них круглые бревна.

В с. Усть-Пристань существует легенда о сохранившейся четырехъярусной мельнице, которую строили всем «миром», начиная с заготовки строительных бревен, по 4-5 лесин со двора, и кончая строительством. Бревна тщательно подгоняли и плотно ложили (сливали) желобом на нижнее (по определению рассказчика, «лезвие ножа нельзя вставить в стык»). На верхние ярусы бревна закатывали по помосту. Руководили строительством старики. Первой проверкой крепости сруба по канонам фольклорного жанра стал сильный ураган, в результате которого венцы третьего и четвертого яруса были смещены на 10 см. Но по совету стариков, всем миром, пригнав десятки лошадей, веревками установили венцы на место. Особенно много связано былей о крепости конструкции крыш, устоявших во время ураганов. Смысл всех безмянных былей заключается в бытовой философии, противопоставляющей то, «как было» хорошо, тому, «как есть» плохо.

После завершения строительства начинался период обживания нового дома, для которого характерны предрассудки, представления и действия, связанные с верой в существование параллельной жизни бестелесных духовных существ. Главным среди них выступает хозяин дома — домовый. Как и повсеместно по России, требовалось переманить «хозяина» из старого дома в новый словами: «Хо-

зяин мой, иди со мной» или «Соседушка-буколушка, и ты иди с нами» (с. Средне-Красилово, Заринский р-н) и при этом желательно было захватить в новый дом те вещи, которые были милы хозяину в старом доме. Вариантов встречается много, например, мочалку, которой моют стол. В с. Смазиево Заринского р-на при переезде в новый дом бросали в подпол старого дома лапоть для домового и говорили «Вот те сани, езжай с нами».

Особое значение придавалось моменту переступания хозяевами порога нового дома. Часто использовалась квашня, как посуда, связанная с замесом наиболее сакрального продукта питания — хлеба. Старожилы объясняют так: «Квашню заносили, чтобы лучше жилось. Хлеб и соль, чтобы достаток был» (с. Хмелевка, Заринский р-н). С хлебопечением связан и ритуал задабривания домового на новом месте специально испеченными булочками, которые раскладывали в первые минуты пребывания в новом доме в нижнем земляном помещении (подполье, подклете). Для чего хозяйка или приглашенный знающий человек спускались вниз и раскладывали булочки под углами дома и приговаривали заговоры. Встречается на Алтае и обычай заносить в дом первой кошку (ей приписывается способность видеть бестелесные существа). Среди вносимых предметов называют зыбку, которую сразу подвешивают на крюк, чтобы дети водились. Среди запретов старожилы называют запрет заходить в беленую избу.

Таким образом, в мировоззренческом комплексе крестьян слитная природно-естественная и окультуренная среда хозяйственно-жилого комплекса и в наши дни дополняется духами. Но современная демонология претерпела существенные изменения. В современных представлениях демонологические образы делятся на две группы. Первая группа объединяет отрицательные образы под обобщенным названием «нечисть» — абстрактные, аморфные, внешне неоформленные образы, враждебно настроенные к человеку. Для защиты от них крестьянами как бы используются три границы. Первая граница проходит по ограде вокруг двора

и защищает с помощью ряда сакральных предметов. В центральном Алтае наиболее распространенными являются подковы, которые прибивают на ворота или перекладины заборов, и рыболовная сеть, ее просто набрасывают на штaketник или плетень.

Второй защитной границей являются стены и просмы самого дома, которые охраняют с помощью охранительно-благожелательной символики резьбы оконных и дверных просмов, а также подков над входными дверями и травы над окнами и дверьми. Сейчас стали для защиты обживаемого пространства над дверями помещать иконки. На современном этапе заметно уменьшилось внимание к первой внешней границе двора — ограде. Причины этого известны — изменение в советское время значимости подворья и личного хозяйства в самообеспечении семьи, изменение психологии хозяина. Однако традиции использования «подковы на счастье» живуча до сих пор, в отличие от полузабытого оберегового значения сети.

Наибольшей магической силой до наших дней наделяется порог. Широко распространены приметы, что нельзя «что-либо» или «кого-либо передавать» через порог, иначе «это» не будет водиться в доме. При передаче продуктов через порог — обречь дом и семью на голод. Нельзя здороваться или разговаривать через порог — поссориться. Стоять на пороге — заболеешь. В любом случае все последствия сводятся к потере чего-либо (здоровья, вещей, друзей, родственников). При переходе этого рубежа существуют многочисленные, как языческие по происхождению, так и христианские (молитвы) обереги. В современной народной среде наиболее распространенной является защитно-охранительное обращение к богу при перешагивании через каждый порог при выходе из дома: «Господи! Благослови!», а через последний порог «Через все, все пороги. Господи! Благослови!»

В таком же значении используется порог в народном самолечении и магии. Например, при частых и беспричинных криках младенцев, молодые мамы до сих пор лечат «от сглаза» или «урока» (как первопричины) перекусыванием воды, которой обмывают лицо ребенка, а остатки выплескивают через порог с различными приговорами. В частности, в с. Петровка Славгородского района украинские переселенцы приговаривают: «Добрый человек, соль (соль) тебе в очи!»

Широко применяется порог в современном народном знахарстве, практикуемом в деревенской среде. При болях в пояснице знахарка кладет человека поперек порога, животом на него, и хлещет веником по пояснице или пристукивает обухом топора и проговаривает текст, стимулирующий процесс потери, т.е. избавления от телесной или душевной боли: тоски, ненужной любви, испуга. Например, при лечении испуга в с. Коробейников Усть-Пристанского района человека сажают у порога, выливают у него над головой в ковш с водой

растопленный воск и приговаривают: «Матушка Пресвятая Богородица, встань мне на помощь вылить из раба Божьего... Испуг выливается на густые лозы, на высокие горы. Там тебе костей не ломить, под грудями не болеть, одной голове не шуметь, суставов не ломить из 70-ти жил, из 70-ти суставов. Аминь. Аминь». Смысловой доминантой является переселение испуга из человека в горы и леса, через порог жилого дома как границу между чужим миром и внутренней средой обитания человека — жилого дома.

Третья защитная граница проходит непосредственно вокруг самого человека, поэтому старались укрепить границы соприкосновения самого человека с внешним миром — на теле. Например, в центральном Алтае подвязывали на голое тело полоски рыбацкой сети. В Усть-Пристанях среди набора оберегов названы «посыпанный в обувь мак», «завязанные в тряпочку мак и перец» и приколотые изнутри нижней одежды, подалее от чужих глаз, три не шитые иголки, также приколотые изнутри, т.е. невидимые для посторонних глаз и т.д. В определенной степени ношение сакральных заклинательных оберегов было вызвано переходом от традиционной одежды с ее защитным комплексом орнамента и вышивки к современной традиции. В последнее время большее значение приобрели христианские обереги — нательные кресты и иконки. Большое распространение имеют так называемые «живые помочи» — молитвы — обереги, переписанные вручную и распространяемые знахарками. Последнее время их вытесняют молитвенные тексты, приобретаемые в православных храмах. Необходимо отметить, что в целом за последние годы усилилось влияние православия на все сферы жизни: бытовую, духовную, общественную. Так, при переезде в новый дом стремятся пригласить священника и освятить как жилое пространство, так и подворье.

Вторую группу демонологических образов составляют «сожители человека», которые, если не помогают, то и не мешают человеку и называются «домовые». В представлении крестьян, «если в доме есть «домовая», то женщина все по дому успеет». Это отголоски древних представлений о мужском домовом духе и о женском. Раньше его называли «Кикимора» или «Шишимора». Как говорят старые женщины, «раньше по-много в колхозе работали. От темна до темна. А она, домовая, по дому помогала» (с. Ново-Красилово). В отличие от отрицательных образов «нечисти», домовые имеют яркие выраженные образы: «как мужчина, на хозяина похож» или «лохматый». Места проживания демонологических сил дифференцированы: «в бане всякая нечисть живет», а «домовой в доме, он предвещает, вещует, стонет, предсказывает беду... никакого вреда не делает».

Вместе с тем анализ крестьянской мифологии показывает, с одной стороны, обеднение демоноло-

гической среды. В ходе переустройства крестьянского двора, уменьшения числа хозяйственных построек (амбаров, хлевов, пригонов, стаск, овингов, бань и т.д.), изменения их назначения, сократилось число духов, а затем произошло их слияние в одного духа, домового — хозяина и дома и хозяйственных построек. С другой стороны, произошло сужение места обитания и сферы деятельности «духа». Чаще всего в крестьянской среде Алтайского края местом обитания называют чердак или печной угол. Сфера деятельности домового сократилась до наведения порядка в доме, тогда как в доколхозный период «хозяин» контролировал весь двор в границах ограды, в том числе скотный двор.

Рассказы о деятельности домовых в скотном дворе или в доме жестко мифологизированы и передаются с помощью достаточно распространенных построений и слов сюжета. Так, при описании действий хозяина в скотном дворе используются сюжеты, отражающие любовь или неприязнь к тому или иному животному. Типичным примером являются рассказы о покупке нового коня, коровы, овечек. В с. Коробейниково А.М. Сарычева так рассказывала: «Папа купил лошадь — ядреньку... Как «хозяин» любил его. Сплел ему длинную косу, вдвое... висела с гривы до колен. Вот уж он его вычистит, вылежит. А вот уж кого не любит хозяин. Он его всю ночь мучает, утром приходишь — она (скотина) вся в пене стоит, измученная. Говорят хозяин не хочет ее». Крестьянами признается право «хозяина» на самостоятель-

ные поступки, без осуждения и обиды. Крестьяне присматривались к проявлению этих поступков, прислушивались к издаваемым домовыми звукам (вздохи, стоны, слова), пытались понять их смысл и выполнить его желания.

Таким образом, анализ полевых материалов о строительной, жилищной, бытовой культуре показал, что на современном этапе разрушена целостность традиционной культуры. Фрагментарно сохранились рациональные знания и умения, потеряны традиции подбора материала, правил его заготовки, традиции крестьянского зодчества, начиная от выбора места, заканчивая строительными традициями. Лучше сохранились сакральные стороны, особенно предрассудки и суеверия, связанные с обживанием дома, слабее с процессом строительства. При этом произошло разрушение целостности обрядов. Обычно современные информаторы вспоминают отдельные стороны обряда: поведенческие (действия) или фольклорно-заговорные (заговоры, приговоры). Многие традиции используются без понимания их глубинного значения, по ширции или по подсказке бывалых людей, которых остается в современной деревне все меньше. Это показывает безвозвратный разрыв глубинного содержания и внешнего выражения обрядов, ритуалов. В целом современное состояние и бытование жилищно-строительных традиций и обрядности крестьянского двора явилось закономерным следствием отстранения крестьян от строительства и обустройства жилища в советское время.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЛЕНДАРНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ СТАРОЖИЛОВ АЛТАЯ (на примере похоронной обрядности)

Л.А. Явнова

Духовная культура, в особенности обрядность, отличается значительной устойчивостью и пресмысленностью. В области обрядности запечатлелось много черт, отражающих не только архаические особенности культуры отдельных этнических групп, но и древние культурные взаимовлияния. В календарных обрядах выражается адаптация человеческой деятельности к объективному ритму природы, связанная с биологическим ритмом. Переломные рубежные этапы можно выделить в годичном круге (солнцестояние и равноденствие) и в человеческой жизни (рождение, свадьба, смерть). С каждым из них связан определенный так называемый переходный ритуал. У всех трех ритуалов (рождения, свадьба, похороны) можно обнаружить общие черты, определяемые их «переходностью».

Представления о рождении и смерти были изначально связаны воседино. На основе единства представлений о возрождающейся смерти сложился и единый семейный ритуал, понимаемый как зам-

кнутый цикл. Начальным моментом в историческом развитии человеческого ритуала следует считать общую психологическую базу, своего рода универсальное представление: «через смерть к новому рождению», возникшее на ранних стадиях развития человеческого общества и ставшее во многом основой семейного обрядового цикла [1, с. 86].

Похоронный обряд, как и свадебный, принадлежит к числу наиболее архаических у славян и сохранил многие черты традиционных воззрений на смерть. Сохранились основные мотивы: представление о далеком пути, о нечистоте и опасности мертвеца, представление о гробе как о доме. «Выдалбливали колоды, делали заранее. Гроб (домовину) пельзя было обшивать. В гроб обычно клали стружки. Готовили саван, обязательно шили его на руках» [2].

Ефросиния Леонтьевна Шмакова (1924 г.р.) из с. Карьгайка рассказывала: «Кержаки выдалбливали домовину из пихты или ели. Обмывали — наносили крест мокрыми пучками льна или тря-